

на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ жалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи; тотъ поѣзжай въ Германію и живи, и умирай въ маленькомъ городѣ, подъ тѣнью приходской колокольни съ мирными германцами, которые, углубясь въ мелкіе политическіе разсчеты, протянули руки и выи для принятія оковъ гнуснѣйшаго рабства“.

Прибавимъ еще одну подробность. Онъ рисуетъ московскіе типы изъ „образованнаго“ круга. „Зайдемъ въ конфектный магазинъ, гдѣ жидъ или гасконецъ Гоа продаетъ мороженое и всякія сласти. Здѣсь мы видимъ большое стеченіе московскихъ франтовъ въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ англійскихъ фракахъ и въ очкахъ и безъ очковъ, и растрепанныхъ, и причесанныхъ. Этотъ, конечно, англичанинъ: онъ, разиня ротъ, смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ, онъ русакъ и родился въ Суздалѣ. Ну, такъ этотъ—французъ: онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревоушцателѣ, который въ прошломъ годѣ забавлялъ весельчаковъ парижскихъ. Нѣтъ, это—старый франтъ, который не ѣзжалъ далѣе Макарья, и промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами. Ну, такъ это—нѣмецъ, этотъ блѣдный высокій мужчина, который вошелъ съ прекрасною дамою? Ошибся! И онъ русскій, а только молодость провелъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ жена его иностранка; она насилу говоритъ по-русски. Еще разъ ошибся! Она русская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Отчего же они всѣ хотятъ прослыть иностранцами, картавятъ и кривляются, отчего?“

Повидимому, Батюшковъ подходилъ близко къ существеннымъ чертамъ тогдашнихъ нравовъ помѣщичьяго круга, московскаго высшего общества, и, однако, эскизъ остается неясенъ. Приведенная картинка мало говоритъ о нравахъ, которые онъ хотѣлъ изображать. Батюшковъ останавливается на одномъ намегѣ, такъ сказать, на общихъ мѣстахъ, въ родѣ того, какъ нѣкогда сатирики XVIII-го вѣка изображали петиметровъ и кокетокъ, имѣвшихъ, въ сущности, только отдаленное сходство съ живою дѣйствительностью. Сатира и картина нравовъ, какія рисовались въ нашей литературѣ XVIII-го вѣка, были, какъ извѣстно, весьма условны, писались съ иностранныхъ образцовъ, ограничивались самыми неопредѣленными, общими человѣческими пороками; чисто и исключительно русскія черты отъ нихъ ускользали. Отголосокъ этой манеры представляютъ и приведенные очерки Батюшкова.